

УДК 101.1+159.964.2

Психоанализ в системе философского и научного знания: проблемы и дискуссии

Д. Г. Доброродный, кандидат философских наук, доцент

В статье проводится анализ дискуссии, развернувшейся на территории бывших советских стран, по поводу научного и социального статуса психоанализа. Рассматривается эволюция психоаналитического учения, его методологическая и эпистемологическая специфика. Выделяются основные направления философских и научных исследований, в которых использование психоаналитических идей и методов может иметь эвристическую ценность.

Psychoanalysis in the System of Philosophic and Scientific Knowledge: Problems and Discussions

D. Dabrardni, PhD in Philosophy, Associated Professor

The analysis of the post-Soviet discussions concerning the scientific and social status of psychoanalysis is presented in the article. The evolution of the psychoanalytic doctrine, its methodological and epistemological specificity is explicated. The basic directions of philosophical and scientific researches in which use of psychoanalytic ideas and methods will be heuristic are allocated.

На протяжении всего XX в. психоанализ оставался ярчайшим и влиятельнейшим феноменом в культуре западной цивилизации. Психоанализ — это одно из немногих учений, которое действительно изменило нашу культуру, проникнув в общественное сознание, трансформировав мировоззрение целой эпохи. Психоанализ ровесник XX в., «ровесник его многострадальной культуры и потому его человеческое содержание отражает содержание тех страданий и мучений, тех трагических поисков и заблуждений, которые пережил западноевропейский интеллигент в результате социальных катаклизмов, ... в результате физических и духовных потерь, утраты душевности и утрат гуманистических иллюзий» [1, с. 6].

Обсуждение психоанализа в современной философии и науке ведется по нескольким направлениям. Нельзя выделить какой-то определенный вектор дискуссии или дать единую оценку этому феномену XX в. За рубежом существует богатая традиция глубокого осмысления психоанализа, она охватывает множество школ, порожденных творчеством самого З. Фрейда и других психоаналитиков; различные синкретические направления, возникшие на стыке психоанализа и других дисциплин; целый корпус критических работ, посвященных методологической и научно-теоретической ценности и перспективам психоанализа.

Однако богатство выбора материала в этой области не способствует ясному пониманию проблемы: в чем специфика психоаналитического подхо-

да, способен ли психоанализ принести пользу современной философии и науке. Эти вопросы особенно актуальны на территории бывших социалистических стран, где вместе с переходом к новому экономическому и политическому курсу происходило заимствование западных культурных ценностей и мировоззренческих установок. Не случайно с 1980-х гг. в странах бывшего СССР наблюдается настоящий бум психоанализа, что, безусловно, во многом связано с желанием ассимилировать яркий образец западной науки, культуры и образа жизни. Как и многие подобные попытки перенесения готовых концептуальных решений на нашу почву, приход психоанализа не всегда сопровождался серьезным анализом его традиции и статуса в современном социально-гуманитарном знании.

Большинство неспециалистов по-прежнему судят о психоанализе по классическим теориям З. Фрейда и его ближайших последователей (К. Г. Юнга, Э. Фромма, А. Адлера и др.), что вполне закономерно, учитывая ограниченный круг переведенной на русский язык литературы; либо оценивают психоанализ по отдельным высказываниям отечественных психологов и психотерапевтов, журналистов и литературных критиков, по книгам сомнительного научного содержания, ориентированных на самостоятельное освоение читателем отдельных психоаналитических техник и приемов. При этом из внимания выпадает огромный корпус исследовательской психоаналитиче-

ской литературы, в которой детально проанализирован теоретический и практический потенциал фрейдовского учения, возможности его корреляции с достижениями современной науки.

Психоанализ сегодня представляет собой целое направление в культуре, он ушел далеко вперед от своего натуралистического базиса, и его отдельные ответвления уже не имеют непосредственной связи с основателем учения. Однако все это, как правило, остается за скобками исследовательского интереса отечественной философии и науки. Складывается парадоксальная ситуация, при которой эвристический потенциал одного из влиятельнейших течений XX в. остается практически не востребован. Поэтому центральным остается вопрос о том, что и в какой форме может дать психоанализ для отечественной философии, науки и культуры.

В. А. Лекторский считает, что «идеи Фрейда заслуживают самого серьезного исследования именно на эпистемологическом и методологическом уровне» [2, с. 105]. Это необходимо, поскольку, во-первых, психоанализ не представляет собой однородного, непротиворечивого явления, а потому требуется специальный анализ для экспликации его существенных характеристик, а во-вторых, в рамках психоанализа были сформулированы проблемы, ставшие центральными для философии и наук о человеке в XX столетии. Среди них В. А. Лекторский выделяет проблему «непрозрачности Я для самого себя» и открытие З. Фрейдом возможности комбинирования «причинного объяснения с объяснением на основании мотивации» [там же]. Первая проблема стала отправной точкой как для философских (герменевтика, постструктурализм, постмодернизм и др.), так и современных психологических исследований («дискурсивная психология» Р. Харре и Дж. Джиллета, теория Д. Дэннета), раскрывающих сложную, многомерную, коммуникативную природу человеческого сознания. Важность другого открытия психоанализа заключается в демонстрации возможности эффективного взаимодействия методологических принципов естественно-научных и гуманитарных дисциплин, принципов объяснения и понимания (интерпретации), в области исследования таких сложных феноменов, как человеческая психика и поведение.

А. М. Руткевич придерживается несколько иной оценки психоанализа: «Психоанализ не является ни естественной, ни социальной наукой, но это не означает, что он лишен всяческого содержания и ничего не говорит нам о современном человеке» [3, с. 116]. Психоанализ относится к той сфере человеческого опыта, которая принципиально не может быть формализована и научно системати-

зирована. При этом он отражает реальные процессы человеческого бытия (комплексы, фобии, психические расстройства), иначе его давно бы уже не существовало. Отсюда делается вывод: «живучесть» и популярность психоанализа свидетельствуют о том, что он представляет собой форму современной мифологии жителя большого города, подобно древним учениям, соединявшим в себе мировоззренческие установки и практики психической регуляции. Изучение психоанализа, в таком случае, открывает нам доступ к существенным структурам бытия и обыденного мышления современного человека.

Н. С. Автономова, анализируя «второе пришествие» (современное) психоанализа в Россию, отмечает иное, общекультурное, значение этого феномена для становления духовности нации в транзитивный период неопределенности. Психоанализ имеет богатую историю, а современные психоаналитики значительно расходятся в своих представлениях с классиками, однако для реалий нашего общества наибольшую ценность представляет именно классический, фрейдовский вариант учения, в котором представлена динамика становления человеческой субъективности: «Психоанализ имеет привилегированный доступ к самому важному и, во всяком случае, первичному «месту» формирования субъекта — к его вызреванию и структурированию в рамках семьи» [4, с. 120].

Язык и учение психоанализа задают определенную систему интерсубъективных взаимодействий по схеме «Я — Другой», начиная с отношений «ребенок — родители», которые потом проецируются на взаимоотношения социальные и межнациональные. Психоанализ упорядочивает душевный опыт индивида, учит структурировать представления, фантазии, образ себя, собственного тела, ближайших других, определяя тем самым процесс становления человека как субъекта. Поэтому классический психоанализ так активно подвергается «деконструкции» в западной постмодернистской философии, и поэтому он так актуален в странах бывшего СССР, еще только находящиеся на трудном пути самоопределения, становления субъективности, формирования своего Я.

Дискуссию в отечественной философии и науке, посвященную психоанализу, можно свести к двум узловым вопросам:

— каковы социальные и культурные перспективы у этого феномена (эффективность терапевтической практики, статус образовательных учреждений и т. д.);

— имеет ли смысл рассматривать психоанализ всерьез, как часть научного знания и научного мировоззрения.

Если по первой позиции намечается незначительный сдвиг в направлении все большего проникновения психоанализа в социальную и культурную жизнь, то отечественная наука продолжает игнорировать психоанализ как самобытную исследовательскую традицию.

В западном мире проблема статуса психоанализа рассматривается совершенно в ином контексте. Здесь не возникает сомнения в том, что психоанализ стал важной частью культуры, при этом наблюдаются две формы его интерпретации. В англо-американской традиции особенно популярен клинический психоанализ, включающий развитую сеть влиятельных институтов, который ориентируется на психотерапевтическую практику для богатого меньшинства общества. Этим обуславливается его элитарный статус и включение в социальный истеблишмент. Основные психоаналитические исследования посвящены проблемам повышения эффективности психотерапевтического лечения, описанию новых методик и заболеваний, а также проблемам «приложения» психоаналитической методологии к феноменам культурного и социального бытия личности (социальная психология, социология, литературная критика, менеджмент, PR и т. д.). Подобные исследования называют «прикладным психоанализом», в отличие от классического клинического психоанализа.

В европейских странах, особенно во Франции и Германии, психоанализ включается в контекст университетского образования либо как отдельная дисциплина, либо как предмет исследования других дисциплин, прежде всего философии. Н. С. Автономова называет этот подход «университетским психоанализом» (О. Ранк, Ш. Фрейд, В. Гранов, А. Грин, Ж. Лакан, Ж. Делез, П. Рикер, П. Куттер, Э. Фромм и др.). В «университетском психоанализе» проводится детальная ревизия фундаментальных принципов, анализ теоретических конструктов и методологии учения с позиций самых передовых достижений социально-гуманитарного знания, вскрываются жизненно-практические и социально-критические возможности психоанализа, возникают синтетические течения, продолжающие активно влиять на интеллектуальное поле современной Европы. При этом собственно терапевтическая проблематика отходит на второй план, и психоанализ становится источником вдохновения для широкого круга авторов, черпающих из него не столько концептуальные идеи или теоретические конструкты (они признаются устаревшими), сколько метафоры для последующей интерпретации в контексте современных проблем социума и своих собственных теорий.

В. М. Лейбин в одной из своих самых фундаментальных работ по психоанализу [5] отмечает, что противоречивое отношение и взаимоисключающие оценки по отношению к наследию З. Фрейда связаны, прежде всего, с перманентной внутренней неопределенностью, неоднозначностью, присущей самому психоанализу. Эту неопределенность можно констатировать уже на уровне базовых представлений З. Фрейда о сущности и предназначении его теории, исходя из определений, которые он сам дает психоанализу в различных работах. Термин «психоанализ» был введен З. Фрейдом в 1896 г. в статье об этимологии неврозов. До этого он говорил об анализе психики, психологическом анализе и гипнотическом анализе. Сам З. Фрейд дает много определений психоанализа, среди которых наиболее часто цитируется то, которое содержится в энциклопедической статье от 1922 г. В ней «психоанализом называется:

- 1) способ исследования психических процессов, иначе недоступных;
- 2) метод лечения невротических расстройств, основанный на этом исследовании;
- 3) ряд возникших в результате этого психологических конструкций, постепенно развивающихся и складывающихся в новую научную дисциплину» [цит. по 5, с. 23].

Однако в большинстве других работ З. Фрейд всячески подчеркивает, что психоанализ не ограничивается только сферой клинического, терапевтического применения, но и сферой науки. Завершая цикл лекций по введению в психоанализ, он пишет: «Психоанализ начал как терапия, но я хотел бы вам его рекомендовать не в качестве терапии, а из-за содержания в нем истины, из-за разъяснений, которые он дает нам о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности, и из-за связей, которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности» [6, с. 399]. И далее З. Фрейд подчеркивает мировоззренческое значение психоанализа, призванного дополнить научную картину мира знаниями о духовной жизни человека, об иррациональных формах его бытия, о субъективности, которая ранее выпадала из фокуса внимания научных дисциплин. Благодаря психоанализу, научное мировоззрение может претендовать на подлинное единство и целостность представлений о человеке и его взаимодействии с внешним миром [там же, с. 399–401]. В результате психоанализ в различных источниках трактуется весьма широко: «Нередко под психоанализом понимается то метод лечения психических расстройств, то система знаний о психике человека, то метод исследования бес-

сознательного, то правила интерпретации человеческой деятельности, то уникальный процесс взаимодействия людей» [5, с. 19].

Конечно, психоаналитические объяснения феноменов индивидуальной, социальной и культурной жизни не являются исчерпывающими, часто они кажутся фантастическими и абсолютно ненаучными, однако, такой является сама человеческая жизнь, которая не поддается полной рационализации. Люди слишком часто ведут себя неадекватно обстоятельствам, принимают нелогичные и необоснованные решения, поступают импульсивно, и наивно было бы предполагать, что свойственные отдельным личностям качества не оказывают никакого влияния на более масштабные феномены социальной жизни: «Фрейд показал, сколь многие формы поведения от домашней жизни обычного мужчины и женщины до жизней богов, от одиночного акта насилия до обширных военных действий с участием миллионов людей могут быть связаны вместе в общепринятом контексте, имеющем определенный смысл. Эта модель оказалась удовлетворительной, (а) так как она обладала внутренней логикой, (б) так как она, по-видимому, адекватно объясняла поведение и (в) так как после привыкания к незнакомой терминологии оказывается, что фрейдовская теория говорит о вещах, о которых мы все время неосознанно догадывались» [7, с. 244–245].

Можно сказать, что психоанализ представляет собой способ истолкования знаков, семиотику или даже симптоматику культуры. Вся современная культура оказывается предметом его исследования, поскольку вся она предстает перед человеком как поток образов, символов, требующих разгадки. Взгляд Фрейда на общество, искусство, религию и мораль — это взгляд аналитика, определяющего по симптомам причины и характер заболевания, а также возможности его лечения. Сфера рационального в жизни человека весьма ограничена, очень часто за видимой ясностью, здравым смыслом и очевидностью скрываются бессознательные желания и стремления, которые являются подлинными детерминантами человеческого бытия. Предмет психоанализа ограничен как раз такими случаями, когда бессознательное выходит на авансцену жизни личности, общества или культуры, и тогда он способен эффективно решать эти проблемы, но если же мы принимаем такую патологию как универсальную данность, психоанализ становится псевдонаучным и бесполезным учением.

В качестве предмета психоаналитического исследования выступают бессознательные процессы в психике, которая понимается как сложное, ди-

намичное образование, совмещающее элементы объективной и субъективной реальности. Психическая реальность принципиально отличается от природной реальности, которая была основным объектом для классического естествознания. Феномены психической жизни личности (эмоции, чувства и переживания) имеют субъективное значение, они существуют субъективно, и только в таком статусе они являются предметом научного исследования: «Мифы, сказки, литература, политические и религиозные убеждения, искусство становятся научно значимыми для психолога в такой же степени, в какой они *не* соответствуют фактам внешней реальности, и из этого следует обратное утверждение — насколько они соответствуют реальности, настолько они не являются делом психолога» [7, с. 243].

Однако, как показал З. Фрейд, согласно принципу психического детерминизма, любые психические феномены и процессы не являются спонтанными, произвольными, а имеют определенную причину, скрывающуюся в бессознательном. Эти причины могут быть выявлены при использовании определенной методологии и описаны согласно строгим научным принципам, от которых З. Фрейд никогда не отказывался: «Из всех основателей аналитических школ лишь один Фрейд понимал и всесторонне использовал в своих изысканиях научный метод. Подход Фрейда был столь же логичен, а его находки столь же тщательно проверены, как в случае с Павловым, но он был способен успешно работать с явлениями, для Павлова недоступными; ибо, несмотря на опровержения, фактом остается то, что основания его метода — психический детерминизм и безжалостная логика свободных ассоциаций — являются научными, охватывая при этом более обширную область опыта, чем что-либо прежде и после них» [7, с. 252–253]. Данная оценка Дж. Брауна не является полностью бесспорной, но она еще раз подчеркивает противоречивость психоанализа, выражавшуюся в установке на синкретичное единство эпистемологического и аксиологического в познании. В методологии психоаналитической интерпретации это выражалось в совмещении принципа детерминизма и герменевтического толкования при объяснении феноменов человеческого существования.

Н. С. Автономова считает, что особенности психоаналитического подхода к познанию обусловлены на базовом эмпирическом уровне спецификой самого психоаналитического факта: «Психоаналитический факт одновременно и доказывает существование бессознательного, и лежит в основе психоанализа как метода терапии» [8, с. 63]. Пси-

хоаналитический факт фиксирует нечто неизменное в характеристике познавательной действительности, без чего невозможно было бы говорить об однородности процесса лечения и методики (определенное психическое расстройство характеризуется определенными симптомами и предполагает соответствующее лечение). Однако психоаналитик всегда имеет дело с конкретным пациентом, он «лечит больного, а не болезнь», в процессе анализа он воссоздает ситуацию вытеснения и его изживания, осознания пациентом причины «болезни».

В результате мы имеем дело с особой «психоаналитической реальностью», включающей телесно-эмоциональный уровень переживания и травмы, уровень вытеснения (работы бессознательного) и уровень осознанной познавательной деятельности совместно аналитика и пациента. Эта реальность не тождественна ни физической, ни психической. Психоаналитический факт оказывается задан ситуацией анализа и теоретически конструктами, которые использует аналитик для толкования высказываний пациента. Традиционные критерии согласования теории и эмпирического базиса в таком случае не имеют смысла, они всегда будут согласовываться, даже в случаях очевидно неудавшегося процесса лечения (как важнейшего результата и критерия истинности).

Такая противоречивая природа психоаналитического исследования обусловила необходимость привлечения в процессе познания различных методологических инноваций. Амбивалентность психоанализа предопределила его междисциплинарный статус, необходимость интегрировать знания из различных дисциплин, предопределила и необходимость аксиологизации познания, поскольку психоанализ обратился к духовному миру человека и общества с научным инструментарием. Наконец, необходимость обращаться в процессе психоаналитического исследования к индивидуальности, уникальной судьбе, динамике развития личности предопределила разработку в психоанализе модели ситуационного исследования, образца методологии «case study», широко используемой в современных научных исследованиях. Анализ опыта использования данных инноваций в психоаналитических исследованиях может

иметь большое значение для современной науки и философии, осваивающих сложно организованные объекты действительности.

Ортодоксальное учение З. Фрейда содержало основной эвристический потенциал психоанализа, не случайно все продолжатели и реформаторы психоанализа, а также его критики непосредственно обращались к работам основателя течения. Однако вместе с тем концепция З. Фрейда, как любая новая теория, не была лишена недостатков, обусловленных в первую очередь сложностью рассматриваемых проблем, ложностью некоторых исходных положений и неопределенностью терминологии. Последующее развитие психоанализа выявило и устранило многие из этих недостатков, а также более ярко обозначило преимущества и перспективы психоаналитического подхода. Поэтому продолжение дискуссий о научности фрейдизма, как и открытое пренебрежение по отношению к психоаналитикам со стороны ученых и философов, на мой взгляд, является нецелесообразным и препятствующим их конструктивному взаимодействию.

Список цитированных источников

1. Методологические проблемы исследования культуры. Культура и критика психоанализа: сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т философии; отв. ред. В. А. Кругликов. — М., 1987. — 145 с.
2. *Лекторский, В. А.* О некоторых философских уроках З. Фрейда / В. А. Лекторский // Филос. науки. — 2000. — № 2. — С. 103—109.
3. *Руткевич, А. М.* Научный статус психоанализа / А. М. Руткевич // Филос. науки. — 2000. — № 2. — С. 109—117.
4. *Автономова, Н. С.* Фрейд в Европе и России: парадоксы «второго пришествия» / Н. С. Автономова // Филос. науки. — 2000. — № 2. — С. 117—123.
5. *Лейбин, В. М.* Психоанализ: учебник / В. М. Лейбин. — СПб., 2002. — 576 с.
6. *Фрейд, З.* Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. — М., 1991. — 456 с.
7. *Браун, Дж.* Психология Фрейда и постфрейдисты / Дж. Браун; пер. с англ. В. И. Менжулина, В. Ю. Кушако-ва. — М.; Киев, 1997. — 298 с.
8. *Автономова, Н. С.* Психоаналитическая концепция Жака Лакана / Н. С. Автономова // Вопр. философии. — 1973. — № 11. — С. 143—150.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2010 г.